

Ло Чэнжэнь — не Лоу Вэйнин, чтобы позволить Тан Тану вертеть собой как вздумается. Он посмотрел на противоположный берег озера и, даже не обернувшись, холодно произронил:

— Ты знаешь, что это за гора напротив?

С момента своего перерождения Тан Тан впервые видел, чтобы Лоу Вэйнин согласился на столь долгий разговор. Он проигнорировал холодность собеседника и с воодушевлением ответил:

— Знаю, это гора Луаньши, там же находится Братская могила. Тебе лучше туда не ходить, место недоброе. Если тебе нравятся эти цветы, лучше любоваться ими отсюда.

Ло Чэнжэнь усмехнулся и со вздохом произнес:

— Значит, ты тоже знаешь, что там растёт много маньчжушахуа. Но известно ли тебе, почему эти цветы, хоть и растут повсюду, именно на той стороне выглядят лучше всего?

Тан Тан чувствовал, что в такой прекрасный день говорить о Братской могиле — значит портить атмосферу, но, не желая расстраивать собеседника, лишь притворно радостно подхватил:

— Вэйнин, ты так много знаешь, я восхищён.

Ло Чэнжэнь издал короткий смешок и с горькой иронией добавил:

— Потому что Лоу Вэйнин был похоронен там. Он смотрел на эти цветы и листья десять лет, как же ему не знать!

Лицо Тан Тана побелело. В душе его поселились ужас и страх, но он попытался сохранить невозмутимость и, как ни в чём не бывало, отозвался:

— Вэйнин, что за глупые шутки? Ты же здесь, живой и здоровый, как тебя могли там похоронить?

Ло Чэнжэнь резко встал и, возвышаясь над Тан Таном, посмотрел на него сверху вниз:

— Не называй меня так фамильярно. Я прекрасно помню, что именно ты своими руками отравил Лоу Вэйнина.

— Ты лжешь! — Тан Тан попятился, чувствуя, что человек, которого он так долго любил, стал пугающим. — Я люблю тебя, я не мог такого совершить!

Он уже признал ошибки прошлой жизни. Но раз уж небеса дали ему шанс и позволили начать всё заново, он ухватится за эту возможность обеими руками. В этой жизни он будет добр к Вэйнину, в сто раз добрее, чем тот был к нему в прошлом.

Ло Чэнжэнь шагнул вперед, прижимая его к стене, и внезапно рассмеялся:

— Я не лгу. Его похоронили там, потому что он умер позорной смертью, опозорил свой род и был вычеркнут из семейных списков. Члены клана Ло стыдились его. Скажи мне, с какой стати ты, ставший причиной всех этих бед, смеешь говорить о любви к нему?

Тан Тан от испуга споткнулся и рухнул на землю, закричав:

— Нет, это неправда! Вэйнин, тебе, должно быть, приснился кошмар, ты бредишь!

Ло Чэнжэнь остановился, его улыбка исчезла, и он холодно произнес:

— Это действительно был кошмар. Кошмар закончился, но обида в сердце не утихает. Не попадайся мне больше на глаза, иначе я не сдержусь и превращу этот кошмар в явь. Как думаешь, если я воплощу свой сон в реальность, кому станет по-настоящему страшно? Не станет ли это твоим личным кошмаром?

Тан Тан задрожал всем телом — то ли от ледяного ветра, то ли от охватившего его ужаса:

— Это всего лишь дурной сон, не принимай его всерьез!

Ло Чэнжэнь равнодушно кивнул, одарил его мягкой улыбкой и протянул правую руку:

— И то верно, всего лишь сон, к чему воспринимать его всерьез? И ты не принимай. Посмотри, как ты испугался, я чуть было сам не поверил, что тот сон был настоящим.

Тан Тан, который когда-то мечтал об этой руке, теперь чувствовал, что улыбка собеседника страшнее любого гневного взгляда. Он отполз назад, уклоняясь от руки Ло Чэнжэня, суетливо поднялся и выдавил из себя улыбку:

— Господин Ло, вы меня напугали. Несколько дней назад мне тоже приснился сон: будто Вэйфэн стал главой клана Ло, а вас похоронили там... Я был так потрясен, что хотел предупредить вас, но из-за слабого здоровья не смог сделать этого вовремя. А потом подумал, что снам нельзя верить, и побоялся заговорить, чтобы вы не решили, будто я сею раздор.

Он больше не решался называть его по имени, боясь задеть нерв и напомнить о событиях из кошмара.

Ло Чэнжэнь с одобрением взглянул на него:

— Сейчас ты похож на себя полугодовой давности. И на того человека, которого Лоу Вэйнин когда-то любил больше жизни.

Лицо Тан Тана исказилось, он то бледнел, то краснел, словно его жарили на огне, а потом облили ледяной водой. Вэйнин действительно изменился, он совсем не тот, что в его воспоминаниях. Эти слова — похвала или насмешка? И действительно ли Лоу Вэйнину приснился сон, или он, как и Тан Тан, вернулся из прошлого с прежними воспоминаниями?

Тан Тан был в смятении. Если Вэйнин помнит прошлое, что ему делать? А если это правда был всего лишь сон?

Натешившись, Ло Чэнжэнь отряхнул снег с одежды и зашагал прочь, оставив Тан Тана одного у озера, дрожащего от ужаса и мучительных раздумий.

— А-Жэнь, так можно? — Сяо И выбрался из-за воротника и сел на плечо Ло Чэнжэня, обеспокоенно глядя на него.

Ло Чэнжэнь слегка потерся щекой о его голову, пребывая в отличном расположении духа:

— Можно. Я лишь добился того, чтобы Тан Тан больше не смел приближаться ко мне. К тому же он может лишь гадать, но не уверен. Даже если он догадается и расскажет кому-то, ему никто не поверит, сочтут безумцем.

Раз уж Ло Чэнжэнь всё продумал, Чжань Чжой больше не стал задавать вопросов. Он доверял своему спутнику так же, как самому себе.

За поворотом Ло Чэнжэнь увидел Сяо Чая, который выглядывал из-за угла, и приветливо окликнул его:

— Пришел встретить своего хозяина?

Сяо Чай был ошеломлен тем, что глава клана Ло узнал его, и поспешно поклонился:

— Господин Ло, здравствуйте. Благодарю, что спасли нашего молодого господина в прошлый раз. Я как раз пришел за ним, он пошел искать вас. Вы не встречались?

Ло Чэнжэнь кивнул:

— Встретились, немного поболтали. Кстати, передай ему кое-что, я забыл сказать.

— Слушаю вас, господин Ло, я всё передам! — Сяо Чай был готов на всё ради своего кумира.

— Скажи ему: прошло десять лет, а он ни разу не пришел на ту гору почтить память усопшего. Кто-то ждал его там десять лет, пока сердце не остыло, а обида не достигла небес.

Сказав это с загадочным видом, Ло Чэнжэнь с легким сердцем направился к главной дороге. Если Тан Тан перестанет мозолить ему глаза, он не будет его трогать. Но раз уж тот так настойчиво напоминает о себе, Ло Чэнжэнь решил отплатить ему той же монетой.

— А-Жэнь, ты стал злым, — Чжань Чжой признался, что и сам чувствует странную радость — оказывается, он тоже не прочь позлорадствовать.

— Это не злость, это констатация факта, — с достоинством поправил его Ло Чэнжэнь. — Но если тебе нравится, когда я злой, я покажу тебе, что такое настоящая злость. Сяо И, я могу быть злым только с тобой.

Чжань Чжои почувствовал, что сморозил что-то не то, но не понял, что именно. А еще больше его озадачило, как именно А-Жэнь собирается быть с ним злым.

Почувствовав смятение Сяо И, Ло Чэнжэнь вновь испытал удовольствие. Прожив тысячу лет в одиночестве, он, кажется, действительно стал капризнее и обзавелся дурными наклонностями.

<http://bllate.org/book/21674/2235996>